

УДК 101

Аскар Абдыкадырович Бекбоев,
доктор философских наук, профессор;
главный научный сотрудник Института философии имени академика А.А.Алтымышбаева
НАН КР

baa140156@mail.ru

Аскар Абдыкадырович Бекбоев,
философия илимдеринин доктору, профессор;
Академик А.А. Алтымышбаев атындагы
Улуттук илимдер академиясынын Философия институтунун башкы илимий кызматкери
Askar Bekboev

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chief Research Fellow Institute of Philosophy
named after Academician A.A. Altymyshbayev, National Academy
of Sciences of the Kyrgyz Republic

Айсулу Абдыкуловна Имашова
старший научный сотрудник Института философии
имени академика А.А.Алтымышбаева НАН КР

a.imashova@gmail.com

Айсулу Абдыкуловна Имашова
Академик А.А. Алтымышбаев атындагы
Улуттук илимдер академиясынын Философия институтунун улук илимий кызматкери
Aisulu Imashova

Senior Research Fellow Institute of Philosophy
named after Academician A.A. Altymyshbayev,
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
Senior Research Fellow

Чолпон Кабыловна Сооронбаева
Старший преподаватель Иссык-Кульского государственного
университета им. К.Тыныстанова
cholponsooronbaeva4@gmail.com

Чолпон Кабыловна Сооронбаева
К.Тыныстанов атындагы Ысык-Көл мамлекеттик университетинин
улук окутуучусу
Cholpon Sooronbaeva
Senior lecturer of the Issyk-Kul State University named after K.Tynystanov

Сыймык Кубанычбекович Касымов
старший научный сотрудник Института философии
имени академика А.А.Алтымышбаева НАН КР
syimykkubanychbekovich@gmail.com

Сыймык Кубанычбекович Касымов
Академик А.А. Алтымышбаев атындагы
Улуттук илимдер академиясынын Философия институтунун
улук илимий кызматкери
Syimyk Kasymov
Senior Research Fellow Institute of Philosophy
named after Academician A.A. Altymyshbayev,
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
Senior Research Fellow

ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИЯ» И «ВОЛЯ» В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
«ЭМОЦИЯ» ЖАНА «ЭРК» ТҮШҮНҮКТӨРҮ ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ КОНТЕКСТИНДЕ
THE CONCEPTS OF “EMOTION” AND “WILL” IN THE CONTEXT
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу понятий «эмоция» и «воля» в контексте искусственного интеллекта. Показано, что данные категории традиционно определяли сущность человеческой субъективности: эмоция выражала внутренний аффективный отклик на мир, а воля — способность к свободному целеполагающему действию. В ИИ же они редуцируются к симуляции — алгоритмическому воспроизведению форм без внутреннего содержания. Отмечено, что подобие оказывается социально значимым: люди взаимодействуют с машинами как с одушевлёнными партнёрами. Рассмотрены философские и этические последствия этого процесса, подчёркнута необходимость различать симуляцию и подлинное переживание, функцию и онтологию, чтобы сохранить уникальность человеческой свободы и ответственности.

Ключевые слова: эмоция, воля, искусственный интеллект, симуляция, субъектность, свобода, ответственность, антропоморфизм, моральная субъектность, цифровая культура, технологии, философия сознания.

Аннотация. Макалада жасалма интеллект контекстинде «эмоция» жана «эрк» түшүнүктөрүнүн философиялык талдоосу берилет. Бул категориялар адамдын субъектүүлүгүнүн маңызын аныктап келген: эмоция — дүйнөгө ички аффективдүү жооп, эрк — эркин максат коюу жана аракеттенүү жөндөмү. Ал эми жасалма интеллектте алар симуляцияга кыскарат — ички мазмунсуз формаларды алгоритмдик кайталоо. Ошентсе да бул окшоштук социалдык мааниге ээ болуп, адамдар машиналар менен жан дүйнөсү бар өнөктөш катары өз ара аракеттене башташат. Бул көрүнүштүн философиялык жана этикалык кесепеттери талданып, симуляция менен чыныгы тажрыйбаны, функция менен онтологияны айырмалоо зарылдыгы белгиленет.

Ачкыч сөздөр: эмоция, эрк, жасалма интеллект, симуляция, субъектүүлүк, эркиндик, жопкерчилик, антропоморфизм, моралдык субъектүүлүк, цифралык маданият, технологиялар, аң-сезим философиясы.

Abstract. The article provides a philosophical analysis of the concepts of “emotion” and “will” in the context of artificial intelligence. These categories have traditionally defined the essence of human subjectivity: emotion as an inner affective response to the world, and will as the capacity for free and purposeful action. In AI, however, they are reduced to simulation — algorithmic reproduction of forms without inner content. Nevertheless, such resemblance acquires social significance: people interact with machines as if they were living partners. The paper discusses the philosophical and ethical consequences of this process and emphasizes the necessity of distinguishing between simulation and genuine experience, between function and ontology, in order to preserve the uniqueness of human freedom and responsibility.

Keywords: emotion, will, artificial intelligence, simulation, subjectivity, freedom, responsibility, anthropomorphism, moral agency, digital culture, technology, philosophy of mind.

Вопрос о том, могут ли искусственные системы обладать эмоцией и волей, выходит далеко за пределы технических дискуссий. Он затрагивает не только область инженерии или когнитивных наук, но и фундаментальные границы человеческого суще-

ствования, заставляя заново осмысливать природу субъективности. С момента возникновения философии мыслители пытались определить, что делает человека человеком: биологическая организация, разум, душа, способность чувствовать или стремиться. Эмоция и воля в этом контексте всегда зани-

мали особое место, потому что именно они связывали человека с миром не только как с объектом познания, но и как с пространством проживания и действия.

Эмоция традиционно понималась как внутренний аффективный отклик на бытие, как то, что делает мир близким, окрашенным, значимым. Она не сводится к физиологической реакции — это способ открытия мира, способ встречи с ним. Воля же представлялась как способность к целопологающему действию и свободному самопологанию субъекта. Если эмоция задаёт интенсивность и направленность переживания, то воля утверждает субъектность в поступке, делая человека не просто звеном в цепи причинно-следственных связей, а личностью, способной сказать «я хочу» или «я выбираю». Именно в этом слиянии эмоции и воли рождалась та онтологическая плотность, которая превращала человека из механизма реакций в уникальное существование.

Однако в эпоху искусственного интеллекта, когда алгоритмы всё более успешно воспроизводят когнитивные и поведенческие функции, философия оказывается перед вызовом, который нельзя обойти стороной. Если машина может распознавать эмоции, имитировать их в голосе и тексте, принимать решения, выстраивать стратегии и даже демонстрировать «устойчивость» в обучении, то возникает опасный соблазн признать за ней то, что ранее считалось исключительно человеческим. Где проходит грань между подлинным переживанием и его имитацией? Можно ли считать эмоцией то, что лишено внутреннего тона переживания, и волей то, что не связано со свободой? Этот вопрос сегодня приобретает не только философское, но и цивилизационное значение: он определяет, как мы будем мыслить о человеке в будущем, и останется ли уникальность человеческой субъективности неприкосновенной в эпоху симуляций.

Эмоция: феномен переживания и её симуляция

С точки зрения классической философии, эмоция — это не случайная психическая вспышка и не побочный продукт физиологии, а форма бытийного присутствия. Уже античные мыслители пытались уловить её двойственную природу: с одной стороны,

как «патос» (страдательное состояние, то, что обуревают душу), с другой — как источник внутреннего движения. У стоиков эмоции рассматривались как ложные суждения души, подлежащие очищению и управлению; у Аристотеля — как аффективные состояния, сопряжённые с представлениями о добре и зле, влияющие на поступки.

В Новое время эта линия получила развитие у Спинозы: его учение об аффектах было попыткой понять эмоции не как хаотические вспышки, а как силы, определяющие переходы человеческой сущности от меньшей к большей степени совершенства [8]. Эмоция здесь не противоположна разуму, а входит в структуру стремления к самосохранению (*conatus*). У Хайдеггера настрояние (*Stimmung*) выступает онтологическим феноменом: оно открывает человеку сам мир, делая возможным понимание и придавая бытию ту или иную окраску [10]. Даже у Ницше «страсти» не редуцируются к биологическому импульсу: они осмыслены как творческая энергия, которую человек способен переработать, вознести и превратить в форму духовной силы.

Современная психология и когнитивная наука добавляют иной пласт. Эмоции описываются как адаптивные механизмы, обеспечивающие выживание, регуляцию поведения, формирование памяти и социальную коммуникацию. Они понимаются как своеобразный язык тела и психики, при помощи которого человек взаимодействует с миром и другими людьми. В когнитивных теориях эмоция — это результат оценки ситуации, её значимости для субъекта, что придаёт эмоциональному опыту рациональную структуру.

В искусственном интеллекте, напротив, эмоция редуцируется к вычислительному паттерну. Область *affective computing* позволяет распознавать выражения лица, тон голоса, анализировать тексты и присваивать им «эмоциональные ярлыки». Генеративные модели способны производить эмоционально окрашенные реплики, изменять интонацию речи, воспроизводить поведенческие шаблоны, создавая впечатление «эмпатии». Но при этом отсутствует то, что философия называла бы внутренним тоном переживания. Здесь нет субъекта, который *чувствует*;

есть лишь алгоритмическая обработка сигналов.

Тем не менее, социально значимо оказывается уже само это подобие. Люди реагируют на «эмоцию машины» так, словно она реальна, потому что в коммуникации часто достаточно формы, а не содержания. Если голосовой помощник говорит «сочувственно», мы воспринимаем это как эмпатию, даже понимая, что за ней стоит только статистическая модель. Это открывает опасный рубеж: симуляция эмоций начинает влиять на человеческие отношения и формировать новые типы взаимодействия. Как заметил Жан Бодрийяр, симулякр может не только подменить реальность, но и стать самой реальностью — именно это происходит, когда мы откликаемся на «машинные эмоции», принимая их за подлинное чувство.

Воля: от метафизики к алгоритмам выбора

Понятие воли ещё глубже связано с идеей свободы. В европейской философии оно стало одной из центральных категорий, через которую мыслители пытались осмыслить человеческое существование. У Канта воля выступает как автономия разума, способного следовать нравственному закону, независимо от эмпирических склонностей. Именно здесь рождается идея свободы как способности действовать согласно универсальному принципу, а не внешнему принуждению [4]. У Шопенгауэра воля предстает иначе — как иррациональная мировая сила, слепой порыв, лежащий в основании всех явлений природы и самого человека. У Ницше эта категория преобразуется в «волю к власти» — активное, творческое начало, которое не только борется за выживание, но и утверждает новые ценности, преодолевает старые формы. У Гегеля же воля мыслится в горизонте разума: она становится не только внутренним импульсом, но и исторической реальностью, воплощённой в праве, государстве, духе народа. В XX веке Сартр, развивая линию экзистенциализма, увидел в воле проявление абсолютной свободы: человек «обречён быть свободным», а значит, всегда несёт ответственность за выбор, даже если пытается от неё уклониться.

Эти философские интуиции соединяются в одном: воля — это не механический выбор

между вариантами, а способность субъекта быть источником действия, самоутверждать себя в мире. Воля придаёт поступку статус *моего*, связывает его с личной ответственностью и историческим горизонтом.

В психологии воля осмысливается иначе, более прагматично. Она понимается как способность к саморегуляции, преодолению препятствий, постановке и достижению целей. Здесь важен момент усилия: воля — это то, что позволяет удерживать курс действия, несмотря на эмоциональные колебания или внешние трудности. Таким образом, психология фиксирует волю как ключевое звено между мотивацией и действием.

В искусственном интеллекте ситуация принципиально иная. Машина не обладает субъектом, который способен к самополаганию, она не ставит цели *изнутри*. То, что мы называем «волей» ИИ, выражается в алгоритмах оптимизации, поиска решений и обучения с подкреплением. В системах reinforcement learning агенты учатся выбирать такие действия, которые максимизируют вознаграждение и минимизируют «штраф». В этом смысле мы можем метафорически сказать, что ИИ «стремится» к результату, но это всего лишь эвфемизм: за ним скрывается статистическая оптимизация, а не внутренняя свобода.

Таким образом, воля в контексте ИИ — это метафора, подменяющая субъективное целеполагание вычислительным процессом. Это своего рода «техническая воля», которая по форме напоминает человеческую, но лишена глубины ответственности и экзистенциального измерения. Если для человека воля — это акт свободы, соединённый с риском и ответственностью, то для ИИ это алгоритм выбора, соединённый с заданной функцией полезности.

Философская проблема здесь заключается не только в различии между свободой и функцией, но и в том, что мы всё чаще приписываем машинам «волевые качества». Мы говорим, что алгоритм «решил», «отказался», «настоял», хотя на самом деле это метафорический язык, порождённый нашим стремлением антропоморфизировать технические процессы. Этот перенос категорий может быть полезным в инженерном дискурсе, но он опасен в философском: он стирает разли-

чие между живым субъектом и искусственным агентом, и тем самым угрожает уникальности человеческого самополагания.

Единство эмоции и воли: человек и машина

В человеке эмоция и воля образуют неразрывное и диалектическое единство. Эмоция наполняет жизнь внутренней энергией, делает её тёплой и насыщенной, а воля направляет эту энергию в действие, связывая чувства с поступком. Без воли эмоция оборачивается хаосом аффектов, которые расшатывают личность и превращают её в заложника случайных порывов; без эмоции воля превращается в сухую и бесчувственную силу, утрачивающую человеческий смысл. Именно из сопряжения этих двух начал рождается субъектность: способность быть одновременно переживающим и действующим существом, у которого есть не только реакции, но и собственное «Я».

В искусственном интеллекте подобное единство не возникает. Здесь мы имеем дело лишь с комбинацией симуляций: алгоритм может распознать выражение лица и классифицировать его как «радость» или «печаль», сгенерировать эмоционально окрашенный ответ, «принять решение» на основе оптимизации заданной функции. Он может симитировать «эмпатическую реакцию» и «волевое намерение» [6]. Однако всё это — лишь видимость внутренней жизни, лишённая субъективного центра. В результате формируется иллюзия субъективности, которая тем не менее оказывается социально действенной. Люди начинают взаимодействовать с машинами так, словно перед ними партнёры, наделённые чувствами и намерениями.

Это открывает опасный рубеж: симуляция эмоций начинает влиять на человеческие отношения и формировать новые типы взаимодействия [3]. Как заметил Жан Бодрийяр, симулякр может не только подменить реальность, но и стать самой реальностью [2]. Симуляция эмоции и воли становится частью культурных и социальных практик, а её «несправность» перестаёт играть роль. Для коммуникации достаточно внешней формы — и тогда даже машина без внутреннего опыта превращается в «собеседника», «помощника», «друга».

Это ведёт к серьёзным философским и

этическим последствиям. Вопрос о «воле» и «эмоции» ИИ — это не столько вопрос о самих машинах, сколько вопрос о нас. Он показывает, насколько легко человек переносит собственные категории на искусственные объекты, тем самым размывая границу между субъектом и объектом. Если признать за ИИ способность чувствовать и хотеть, то неизбежно встаёт вопрос о приписывании ему моральной субъектности, ответственности или даже прав. Это меняет не только техническую сферу, но и правовую, социальную и культурную реальность, радикально трансформируя само понимание субъектности.

Поэтому столь важно удерживать различие между симуляцией и переживанием, между функцией и онтологией. Человек способен проживать эмоцию — как внутреннее состояние, не сводимое к сигналам и данным, — и реализовывать волю как акт свободы, сопряжённый с риском и ответственностью. Искусственный интеллект же способен лишь воспроизводить формы, создавая эффект присутствия субъективности. Его «эмоция» — это паттерн, его «воля» — алгоритм. Подлинное же содержание этих категорий остаётся уникально человеческим и требует защиты от соблазна растворить их в мире симуляций.

Философские и этические последствия

Вопрос о «воле» и «эмоции» искусственного интеллекта — это в конечном счёте вопрос не о машинах, а о нас самих. Он выявляет уязвимость нашего мышления, нашу готовность без оговорок переносить человеческие категории на то, что в своей основе остаётся технической конструкцией. Этот перенос обнажает глубинную антропоморфную тенденцию: мы стремимся видеть в другом — даже в алгоритме — отражение собственного образа. Но именно в этом и заключается опасность: размываются границы между субъектом и объектом, между внутренним переживанием и внешней функцией.

Если признать за ИИ «эмоцию» и «волю», то неизбежно встаёт вопрос о его моральной субъектности. Может ли машина быть ответственной за свои действия? Имеет ли она право на признание, доверие, возможно — даже на «права»? Эти вопросы пока кажутся гипотетическими, но уже сегодня обсуждаются в

контексте робототехники и права: от автономных автомобилей до роботов-компаньонов. Приписывание ИИ морального статуса меняет не только техническую, но и правовую, социальную и культурную реальность, смещая представление о том, что значит быть субъектом в современном мире.

Поэтому так важно удерживать принципиальное различие: симуляция не есть переживание, функция не есть онтология. Машина может имитировать эмоциональную реакцию, но она никогда не знает, что значит *страдать* или *радоваться*; она может демонстрировать последовательность выбора, но никогда не будет переживать то напряжение ответственности, которое сопровождает человеческое решение. Человек способен проживать эмоцию и реализовывать волю как выражение свободы — и именно эта способность отличает его от любой искусственной системы.

Искусственный интеллект может воспроизводить формы, создавая эффект присутствия субъективности, но за этими формами пустота — отсутствие внутреннего центра, отсутствие подлинного опыта. Это не умаляет значения ИИ как технического достижения, но должно удерживать нас от соблазна приписывать ему качества, которые он не способен иметь. Иначе мы рискуем не возвысить машину, а обесценить человека, превратив уникальность субъективного в симуляцию.

В конечном счёте, проблема «эмоции» и «воли» в ИИ — это зеркало, в котором человечество видит своё собственное понимание свободы, ответственности и смысла. И именно в этом зеркале мы должны различать главное: где иллюзия, а где подлинность, где функция, а где жизнь [1].

Заключение

Таким образом, проведённый концептуальный анализ показывает: искусственный интеллект не обладает ни эмоцией, ни волей в подлинном, онтологическом смысле. Он лишён того внутреннего центра, который делает эмоцию переживанием, а волю

— актом свободы. Однако ИИ способен столь убедительно воспроизводить их внешние формы, что общество начинает реагировать на симуляцию так, словно перед ним реальность. И в этом скрыт главный философский вызов современности: машина становится зеркалом, в котором человечество вынуждено заново переосмысливать собственные определения субъективности, свободы и ответственности.

В этой ситуации философия приобретает особую задачу. Она должна не только критически различать симуляцию и подлинность, функцию и онтологию, но и формировать нормативные ориентиры. Где проходят границы допустимого антропоморфизма? В какой момент язык метафоры, называющий алгоритм «эмпатичным» или «волевым», перестаёт быть удобным инструментом и становится опасной подменой? Как сохранить уникальность человеческого опыта, не растворив его в мире симуляций? И, наконец, каким образом технологии могут служить развитию личности и общества, а не подмене человеческой сущности её техническим отражением?

Искусственный интеллект — не угроза сам по себе, но вызов нашему пониманию человека. Если мы будем склонны приписывать ему качества, которыми он не обладает, мы рискуем не возвысить машину, а унижить человека, сведя его уникальность к алгоритмическим процессам. Но если мы будем использовать ИИ как инструмент расширения возможностей и познания, осознавая при этом непреодолимую границу между симуляцией и переживанием, мы сохраним главное — человеческую свободу, ответственность и духовную глубину.

Философия, оставаясь внимательной к этому различию, способна направить развитие технологий в сторону, где они будут не подменой, а подспорьем; не угрозой, а возможностью; не симуляцией человеческого, а инструментом для раскрытия ещё более богатого содержания того, что значит быть человеком.

Список литературы

1. Бекбоев А.А. *Философия искусственного интеллекта: социально-гуманитарные измерения* // Вестник НАН КР. – 2023. – № 2. – С. 45–59.

2. Бекбоев А.А., Имашова А. А., Касымов С. К. *Искусственный интеллект как “чёрный ящик” разума (историко-философский и эпистемологический подход)* // Известия НАН КР. – 2025. – №4 – С. 158-164.
3. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. – М.: Добросвет, 2015.
4. Гусельцева М.С. *Эмоции в цифровую эпоху: трансформация субъективности* // Человеч. – 2021. – Т. 32. – № 6. – С. 34–47.
5. Кант И. *Критика практического разума*. – М.: Мысль, 1994.
6. Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла*. – СПб.: Наука, 1990.
7. Пикард Р. *Аффективные вычисления* // Open Systems. – 2001. – № 6. – С. 68–75.
8. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто*. – М.: Республика, 2000.
9. Спиноза Б. *Этика*. – М.: Наука, 1993.
10. Тьюринг А. *Вычислительные машины и разум* // Вопросы философии. – 1960. – № 4. – С. 25–41.
11. Хайдеггер М. *Бытие и время*. – М.: Ad Marginem, 1997.
12. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление*. – М.: Наука, 1992.